

«Як-истребитель» в «Северной трассе»

Юрий Остапенко — постоянный автор нашей газеты, он, как и многие люди его поколения, был и остаётся поклонником творчества Владимира Высоцкого. Это мы отметили ещё раз, прочитав его документальную повесть «Ракетой сверкнувшая жизнь» о генеральном конструкторе крылатых ракет А.Я. Березняке, вышедшую недавно вторым изданием. Наше внимание привлёк отрывок, где обласканный властью «властелин грома» и опальный бард волею судьбы сошлись во дворце культуры города Дубны. Готовя к публикации этот отрывок, мы вспомнили малоизвестный эпизод из жизни автора книги. Дело в том, что первое стихотворение Владимира Высоцкого в Советском Союзе в открытой печати появились в 1975 году в газете авиаторов «Северная трасса», которую и редактировал Ю. Остапенко. Как это могло произойти? Ведь «Северная трасса», как и любая другая газета того времени, должна была пройти через государственного цензора и без его подписи в печатный цех не уходила. Ну, не мог ни один из цензоров под страхом самого строгого наказания пропустить в печать газету со стихами запретного поэта!

Мы попросили писателя Юрия Остапенко поделиться секретом, как ему удалось обойти непреодолимое препятствие и что он за это получил после публикации. Вот что он нам рассказал.

— Для этого надо представить себе Якутск полувековой давности. Редакция нашей газеты была довольно далеко от центра города и до республиканской типографии, при которой находились цензоры так называемого «Главлита», надо было ехать на двух автобусах. Там полосы оставляли для чётки цензору, и только на следующий день, дозвонившись по вечно занятому телефону «Главлита», надо было снова — в мороз, в пургу — добираться целый час за полюсами с заветным штампом «Разрешено к печати». А потом столько же ехать назад в нашу собственную типографию.

Как-то зимой, в канун 23 февраля я поехал к цензору в обычные для Якутска минус пятьдесят градусов. Долго ждал автобус, замёрз и... опоздал. Рабочий день закончился. В кабинете «Главлита» уже сгребли ворохи полос и накрывали праздничный стол. А на Севере в таком случае каждый человек, да ещё вошедший с мороза, сразу становится гостем, даже у цензоров. И меня, естественно, пригласили к столу, который наполнился энергичными командами, поскольку большинство цензоров были отставными военными. И тут выяснилось, что мы с начальником «Главлита» когда-то служили в одном полку. Это привело его в восторг, и вскоре мы практически побратались. Выяснив, чего мне стоит каждый раз получение заветного штампа, он пообещал уладить это дело. И уладил — мне передали право цензуры нашей газеты.

Шли годы, и всё было нормально. Но вот наступил май 1975-го, 40-летие Победы. Мы в редакции задумали выпустить большой 16-страничный номер, в котором фронтовики-авиаторы сумели бы сами

рассказать о войне и почитать, что другие о ней написали. А я ещё загорелся мыслью поставить на одну из полос любимого мной Высоцкого — ведь у него были такие стихи о войне! В итоге выбор пал на стихотворение «Я — Як-истребитель», к которому, казалось бы, совершенно невозможно было придаться по идеологическим мотивам. В самый последний момент перед пуском печатной машины я втолкнул его в набор.

Уже на следующий день ко мне пошли звонки почитателей Высоцкого: сколько прозвучало хороших слов в мой адрес — уши адели от удовольствия! Но звонка, которого я ждал, не было. Не было три дня. А потом он раздался, и уши у меня свернулись, словно обмороженные... Не буду утомлять вас перечислением, какие кары мне сулились. Но пока это висело в воздухе, я положил в большой конверт два экземпляра газеты и самолично отправил в Москву, написав адрес: «Москва, Театр на Таганке. В.Высоцкому». Отчества подпольно знаменитого барда я тогда ещё не знал и потому в сопроводительном письме обратился к нему просто: «Владимир». Неизвестность с грядущим наказанием притупляла ожидание ответа, но письмо от Высоцкого пришло быстро — недели через две. Оно было короткое: «Безмерно тронут, поскольку это первые мои стихи, опубликованные в открытой печати. Спасибо. Хотел бы увидеться. Будете в Москве, заходите на Таганку. Владимир».

В Москве я оказался через три года — меня перевели в общесоюзную газету «Воздушный транспорт». То есть в итоге не «зарыли» где-то на Крайнем Севере, а призвали в столицу. И вот в одном из разговоров с новыми коллегами я упомянул,

что первым в стране опубликовал Высоцкого и даже получил от него письмо.

— Ага, именно в Якутск он и написал, — протянул с усмешкой бывалый газетный зубр. — Только ты, конечно, забыл, где это письмо затерялось, а газету в Якутске оставил, да?..

— Нет, почему же, завтра принесу, — нахально ответил я, хотя и представить себе не мог, как я разыщу в тюках недавно прибывшего багажа нужные бумаги.

Целую ночь мы с женой развязывали узлы, распаковывали пакеты с моим архивом и нашли-таки то, что искали!

На следующее утро после планёрки коллеги не спешили расходиться и поглядывали на меня, ожидая услышать какую-то отговорку. Наступило нехорошее молчание. Я же не спеша достал из папки номер, развёрнутый на том месте, где был «Як-истребитель», и листочек из тетради в клеточку со словами Высоцкого. Все прильнули к ним. А потом почти разом произнесли:

— И ты до сих пор с ним не встретился?!

В общем, засобирался я на Таганку. Начал со звонков. Ничего не вышло. Театр на гастролях. Потом театр приехал, но уехал Владимир Семёнович. Потом он занят на спектакле (на репетиции, на встрече со зрителями). Один раз я его поймал. Радостно представился и ждал полминуты, пока он вспоминал; он вспомнил, отмяк и сказал, чтобы я такого-то числа пришёл в кассу, представился, получил контрамарку и после спектакля мы увидимся... если он будет занят в спектакле...

Я увидел Владимира Высоцкого через год, 25 июля, в Театре на Таганке, в гробу, усыпанном цветами...

Коллаж Елены СТЕПАНОВОЙ

Концерт «Музыка и поэзия в театре и кино» в городе Дубна

Дел в последнюю неделю месяца у любого руководителя всегда по горло и даже выше, но Александр Яковлевич быстро свернул неотложные дела, перенёс на завтра отложные, распределил между заместителями горячие и тлеющие проблемы и, к великому изумлению коллег, в половине шестого покинул КБ, сел в свою «Волгу» и понёсся в сторону плотины. Впрочем, слово «понёсся» здесь употре-

блено в качестве определения того, как спешил сам Березняк. Недавний снегопад сделал дорогу почти непроезжей, «Волга» пробуксовывала, юзила и двигалась вперёд с черепашьей скоростью. Опоздать никак не хотелось, и Александр Яковлевич успел-таки к «нулям» — и ровно в шесть часов пробрался во второй ряд, где в часостолбе голов виднелось свободное пространство — там и было его место. Благо,

что концерты такого рода начинаются всегда с опозданием, и Березняк успел поблагодарить Образцова за заботу, извиниться за... И тут зал обрушился от грохота аплодисментов.

На сцену вышел невысокий парень в свитере и линялых джинсах и, подняв вверх гитару, поприветствовал собравшихся. Был он молод, лет тридцати, не более.

«Добрый вечер! Обычно, наверное, все приезжающие к вам рассказывают, что они больны. И я тоже не буду оригинален и скажу, что я действительно немного простыл. Поэтому буду сегодня хрипеть. Я обычно всегда хрипло, но сегодня я буду хрипеть больше», — так начался тот концерт в ДК «Мир».

Аплодисменты не прекращались, и Березняк сумел собраться с мыслями и